

ПОСТМОДЕРНИЗМ: НОВЫЕ «КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ РЕАКЦИОННОЙ ФИЛОСОФИИ»

В статье анализируются некоторые философские построения постмодернизма. Автор приходит к выводу, что постмодернизм – воплощение худших дегенеративных тенденций в современной философии и культуре, ибо это течение подменяет рефлексию над насущно важными проблемами человеческого бытия эпатажным разглагольствованием «ни о чем».

Для начала – несколько занятных цитат.

«Естественным продолжением оральности являются каннибализм и анальность. В последнем случае частичные объекты – это экскременты, пучащие тело матери так же, как и ребенка. Частицы одного всегда преследуют другое, и в этой отвратительной смеси, составляющей Страдание грудного ребенка, преследователь и преследуемый – всегда одно и то же. В этой системе рот-анус, пища-экскременты тела проваливаются сами и сталкивают другие тела в некую всеобщую выгребную яму. Мы называем этот мир интроецированных и проецированных, пищеварительных и экскрементальных частичных внутренних объектов миром симулякров» [1, с. 224].

И еще: «Глубже всякого дна – поверхность и кожа. Здесь формируется новый тип эзотерического языка, который сам по себе модель и реальность» [1, с. 172].

После прочтения вышепротитированных мест закономерно возникает вопрос: что это, милостивые господа? Ладно еще, когда Ницше «философствовал молотом». Но что это за «философствование анусом»? Что это за глумление над здравым смыслом? Бред больного человека, мистификация или издевательство над читателем? Наверное, все вместе взятое. И ведь автор процитированных строк – отнюдь не маргинал, не асоциальная личность. Данные строки принадлежат Жилью Делезу (1925-1995), парижскому профессору и классику постмодернизма, покончившему, в конце концов, жизнь самоубийством.

Термин «постмодернизм» впервые употребил еще в 1917 году Р. Ранвиц в своей книге «Кризис европейской культуры», но как философскую категорию постмодернизм принято рассматривать с 1979 года, после эссе Лютара «Состояние постмодерна: док-

лад о знании». Именно в этой книге многие черты постмодернизма предстали в обобщенном и рельефном виде. Сама книга вызвала сильный резонанс и явилась причиной ожесточенных споров, которые в немалой степени способствовали рекламе этого течения в философии и искусстве.

Изначально постмодернизм возник во Франции, но уже с 70-х годов XX века стал распространяться по всему миру. Самое поразительное, что определить, что же такое постмодернизм, невозможно, ибо он никогда не существовал как единое целое ни в искусстве, ни в литературе, ни в философии. Постмодернизм отнюдь не является логическим понятием, определяющим реально существующий объект, а потому не имеет парадигмального определения. В настоящей статье автор предлагает читателю поразмышлять о некоторых характерных особенностях того, что обычно называют «философией постмодернизма», а также о том, кому эта философия нужна и кто является ее поклонниками.

Почему именно Франция, а не какая-либо другая страна дала миру столь много деятелей постмодернизма? Думается, что именно во Франции наиболее явственно и зримо протекали те дегенеративные процессы, которые заставили европейских интеллектуалов говорить, в конце концов, о кризисе европейской культуры, базирующейся на христианстве, и жутком падении нравственности. Смещение европейской и азиатской культур, негроизация французов, потеря культурной памяти, расхристанная сексуальная революция – все это привело к тому, что некогда великая нация стала превращаться в скопище наркоманов, алкоголиков, лесбиянок и «голубых». Это прекрасно понимал де Голль, который пытался, как мог,

предотвратить разрушительные процессы, происходящие в ментальности народа, – но, увы, тщетно. Этот президент республики остался в истории, на наш взгляд, «последним французом», жизнь, деяния и образ которого вызывают в памяти бессмертных героев Александра Дюма.

Во Франции в 60-е годы прокатилась волна студенческих бунтов, зачинщиками которых во многом стала «золотая молодежь», в одурманенных наркотиками и алкоголем головах которой рождалась страсть к разрушению всей предшествующей человеческой культуры. Разрушенные наркотиками и сифилисом мозги вынашивали планы разрушения всего и вся. Именно тогда свое «второе рождение» пережил основательно забытый де Сад с его животной аморальностью и знаменитым девизом: «Делайте только то, что вам нравится и приносит наслаждение, все прочее – ерунда». Разрушать казалось наслаждением. Недаром Делез и Гваттари в своей совместной книге «Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип» (1972) призывают: «Разрушай! Разрушай! Шизоанализ идет путем разрушения, его задача – полное очищение бессознательного, абсолютное высвобождение» [2].

Именно в 60-е годы заговорили о необходимости «преодоления» модернизма, который уже перестал быть «по-настоящему» современным. Постмодернизм, как утверждалось, был заключен в модерне, его только необходимо было высвободить. Постмодернисты вспомнили слова поэта-символиста Артура Рембо: «Надо быть абсолютно современным» и превратили их в лозунг. Льотар настаивает: «Постмодернизм, понятый подобным образом, это не конец модерна, но модернизм в состоянии зарождения, и состояние это постоянно» [3].

Думается, что мировые войны, экономические кризисы, близость экологической катастрофы во многом способствовали развитию деструктивных тенденций в сознании массового человека, а интеллектуалы, в свою очередь, старались как могли. Они заговорили о кризисе культуры, понимая его как кризис интеллектуализма в целом. Постмодернисты начали с провозглашения необхо-

димости введения узкой специализации в области интеллектуальной деятельности: «Надо, чтобы они молчали о том, что не касается их профессии. И если мы хотим, чтобы... борьба за свои права и прочее не вылилось в кошмар, необходимо, чтобы начали говорить интеллектуалы» [4].

И они заговорили... Заговорили о необходимости критики реальности, истины, языка, человека, истории, знания, философии... Критике подвергалось все. Но критиковать и злобствовать всегда легче, а вот выдвинуть что-то свое значительно сложнее. Это понимал еще Гете, когда высказался однажды: «Кто набрасывается на негативное, тот разрушает самого себя и расплывается в чаду» [5]. Ведь для того, чтобы критиковать, нужно прежде всего иметь объект для критики. Если бы не было классического философского наследия, столь ненавидимого некоторыми постмодернистами, им и критиковать-то было бы нечего.

Впрочем, постмодернисты признавали классику, когда им это было выгодно. Скажем, тот же Льотар считал, что современная постмодернистская ситуация была, хотя и в скрытой форме, уже предвосхищена. Он называет Аристотеля (его тезис о разнообразии бытия), Витгенштейна (его теория «языковых игр»), Канта (его различение форм разума). Более того, Льотар считает, что процесс развития постмодернистского сознания, проходящего сквозь «лабиринт бесконечного повествования письма», вполне можно сравнивать с «единством «Феноменологии духа» Гегеля, хотя все же и обвиняет последнего в излишнем академизме, логичности, строгости стиля. Все эти «ухищрения», по мнению Льотара, излишни. Это – «приманки красотой». Не нужно никаких правил, ибо «все позволено». Делез в гегелевской диалектике вообще увидел только «лингвистический нарциссизм», способный развить лишь формы риторики.

А если все позволено, то знать нужно для того, чтобы забыть. Не нужно быть ни к чему привязанным. Мораль, человечность и тому подобное – все это бред. Льотар считает, что мыслящий разум мыслит для того, чтобы установить правила тому, что еще только

будет создано. А следовательно, постмодерн – не что иное, как «парадокс предшествующего будущего».

Льотар высказывает вполне здравый призыв: необходимо заново прочитать историю философии, отказавшись от клише и заскорузлых догматических схем. Но он, как и тот же Делез в своих историко-философских штудиях, оказывается подвержен тому же греху, от которого пытается отвратить других: великих философов прошлого он пытается втиснуть в прокрустово ложе собственных постмодернистских клише. Более того, на свет Божий появляются постмодернистские клише, претендующие на статус классики афористики, такие как: «Ничто не слишком», «Ничто не гарантировано», «На том стою, но могу как угодно».

Но главным объектом критики, а порой и ненависти со стороны постмодернистов является человек, причем именно «человек разумный», Человек «с большой буквы». Недаром через двести лет после кантовской «Критики чистого разума» некий П. Слотердаик пишет «Критику цинического разума», доказывая тезис о том, что нынешний цинизм вызван разочарованием в идеалах Просвещения. Делез продолжил критику концепции самосознания человека, получившего классическое выражение в чеканной формуле Декарта «*Cogito ergo sum*». Изобретается новая формула: «Я говорю – следовательно, я существую». Мысль заменяется «говорением». Но ведь и попугай в клетке говорит, старательно имитируя звуки человеческой речи, вот только понимает ли он, о чем «говорит»?

Критикуя «человека разумного», постмодернисты создают свою своеобразную антропологию. Реалией ее и «клеткой» стал человеческий индивид в своеобразии его своеобразного, эмоционального и эгоистичного «Я». В постмодерне любая общность, внутренне не оправданная таким индивидом, воспринимается как репрессия и насилие, от которых индивид должен немедленно освободиться. В философии такими репрессивными средствами признаются логика и рациональность. И постмодернисты не лезут за словом в карман. Для них человек – «очарование тривиального», «культ непосредствен-

ного», а для человека «нет ничего более бесчеловечного, чем прямая линия». Впрочем, порой встречаются и красивые вещи наподобие такого высказывания: «Забудьте все, чему вас учили, – начинайте с мечты».

Постмодернисты отрицают универсализм в человеке, акцентируя внимание на росте претензий к жизни. Цель их этики – развенчание добра, отрицание его в человеке. Таким образом, идет процесс размывания реальных человеческих отношений. Деррида никак не хочет признать, что человек может действовать бескорыстно. Для него подарок, любовь, искренний порыв добрых чувств – всего лишь «фальшивые монеты», ибо принимающий подарок испытывает чувство признательности к дарителю, а последний, в свою очередь, получает удовольствие от самого процесса дарения. Что же в этом плохого, спросите вы, уважаемый читатель? Но вот антилогика Деррида: «Сущность подарка аннулирует подарок».

Антропологический тип, который стремится создать постмодерн и на который он ориентирован, – это космополит, свободный от традиций, норм, культуры, любви к Родине и Дому, считающий все условным. Превыше всего такой тип ценит свои инстинкты и незамедлительно следует их зову. Такой «шизоид», если воспользоваться термином Деррида, ценит прежде всего потребление. Он не погнушается украсть у больной и старой матери последние деньги на выпивку, если у него «проснется инстинкт». Это – интеллектуал, владеющий правилами любой языковой игры и столь же легко освобождающийся от них.

Принимается методологическая предпосылка о том, что человек – это зомби (деперсонализированный индивид), «обратимый» шизофреник, а сама шизофрения провозглашается «творческой нормой» общественной жизни людей. Следовательно, речь идет о шизоанализе как разновидности деконструктивизма в антропологии. Такой ход мысли деконструирует не только сознание, но и структуры бессознательного, окончательно релятивизируя природу человека.

Сознательно из анализа человека вытравливается именно Человеческое, а на его

место постмодернисты старательно проталкивают всякую похабщину. Делез говорит об этом открыто: «Все, что пишется, – ПОХАБЩИНА» (то есть всякое зафиксированное или начертанное слово разлагается на шумовые, пищеварительные или экскрементальные куски» [6, с. 114]. Отметим, как Делез неравнодушен к экскрементам, постоянно упоминаемым на страницах его писаний. Особенная его страсть – размышления об анусе и всем том, что с ним связано. К слову стоит заметить, что практически все деятели постмодернистской философии были людьми нетрадиционной сексуальной ориентации, поэтому этот орган человеческого тела чрезвычайно волновал их и побуждал к утонченной, на их взгляд, рефлексии.

Вообще, к человеческому телу постмодернисты в своих рассуждениях обращаются часто. Их интересуют «поверхность», «кожа», «дырки», «выпуклости», «неровности» и «отростки». Они рассуждают обо всем этом с восторгом детей, впервые увидевших различие в строении половых органов между мальчиками и девочками. Проблема тела, человеческого пола переходит у них в проблему сексуальности. Например, у того же Делеза этой проблеме специально посвящена двадцать восьмая «серия» его «Логика смысла». Он фактически сводит человеческую сущность к естественно-природной организации, то есть возвращается к давным-давно известному натурализму и цинизму. Воистину, все повторяется в этом мире, и Делез – современная копия Диогена-циника, который прилюдно совокуплялся, справлял нужду на людной площади и делал все, что ему заблагорассудится, ибо считал всякий человеческий стыд ложным и подавляющим человеческое «естество», ибо что естественно, то не позорно.

«Естественный» человек отрицает духовного человека, следовательно, и все нормы морали, права, вкуса, выработанные человеческим общежитием. А как же окружающие такого циника люди? На них ему наплевать. Цинизм и натурализм постмодернизма тесно связаны с дремучим эгоизмом. Не случайно адепты постмодернистских «откровений» в большинстве своем – глубоко испорченные

нравственно, потерянные для общества люди, которые зачастую приближаются к самой настоящей социопатии. Делез риторически вопрошает: «Как можно осуждать инцест и каннибализм в той области, где страсти сами являются телами, пронизывающими другие тела, и где каждая отдельная воля является радикальным злом?» [6, с. 162]. Интересно, как бы «запел» Делез, попади он в племя каннибалов, и как бы он тогда оценил «радикальное зло»?!

«Логика» постмодернизма ведет к оправданию любой подлости, преступления и зверства. Действительно, если человек – всего лишь тело среди других тел, то есть просто-напросто источник белка, то его движение и существование на грешной земле исключительно должно подчиняться соответственно лишь законам физики и биологии. А по законам биологии он должен пожирать других, в том числе и себе подобных. Невольно на ум приходит знаменитый доктор Ганнибал Лектер, персонаж романов Томаса Харриса. Философия этого классического социопата проста и по-настоящему «постмодернова»: я буду делать все то, что хочу. Хочу человечески – буду есть людей. Почему бы нет? Ведь **Я** этого хочу!

Нравственное безразличие к людским страданиям, моральное уродство и социопатию многие постмодернисты возводят в ранг добродетели. Мораль – архаичное понятие. Безразличие в глобальном, космическом плане – вот их идеал. Люди технократической цивилизации, оторванные от живительных источников живой природы и лишённые культурных корней, – адепты постмодернизма. Все равно, что делать, с чем иметь дело и что читать. Гегеля – так Гегеля, де Сада – так де Сада. Для постмодернистов все равно, что перед ними – взрыв человеческих страстей, самопожертвование и трагизм революции, подлость и предательство «реальной политики», чистая любовь девушки или пьяные откровения шлюхи, роман Толстого или бульварное чтиво в крикливой обложке. Они рисуют ржавые консервные банки и канализационные трубы, рассуждают о графоманских гнусностях Эдички Лимонова, превозносят очередной бредовый театральный ше-

девр Виктюка, создают «икебаны» из фрагментов человеческих тел, – все это идет «на ура», все комментируется заумными искусствоведом и литературоведами с такой серьезностью, как будто речь идет о творениях Шекспира или Леонардо.

Постмодернизм – это не философия, это ее конец. Ибо где здесь «любовь к мудрости»? Где сама мудрость? Может быть, в рассуждениях о фекалиях? Постмодернизм – явление того же порядка, что и однополюсные браки, свидетельствующее о постепенной деградации европейской культуры. Это течение подменяет рефлексию над насущно важными проблемами человеческого бытия эпатажным разглагольствованием «ни о чем».

Недаром французский социолог Ж. Липовецкий назвал постмодернизм эрой пустоты и империей эфемерного. Постмодернизм – философия циничных, разочаровавшихся в жизни интеллектуалов, лишенных подлинно национальных корней, той почвы, на которой только и может вырасти Человек. В современной России манкуртизм возведен в ранг государственной политики, ибо «иванам родства не помнящими» манипулировать легче. Приходят в упадок подлинная история, философия, искусствоведение. Математики берутся переписывать всемирную историю, обнаруживая полное незнакомство с археологией, но зато отрицая все и вся, а их невежественные писания с восторгом принимаются невежественной аудиторией. Деятельность не замирает, но это деятельность суетливая, дьявольская, она – не от Бога.

Разгораются политические страсти, экспериментируют театральные режиссеры, бешено развивается постиндустриальное производство, ежедневно совершаются чудовищные преступления, туристы спешат в музеи, ученые – на симпозиумы и в университетские аудитории, гигантская информация концентрируется и легко воспроизводится с помощью компьютерных средств. Великий Гете предвидел современную духовную ситуацию, при которой человек порой добровольно отдает себя в иго той торопливости, которая исходит, как известно, от дьявола. Мыслитель гениальным словообразованием назвал это иго «VELOЦИФЕРСКИМ», то есть соединил

латинское слово *Velocitas* (спешка, торопливость) и имя дьявола Люцифер. Его Фауст часто хочет больше того, о чем он имеет точное представление. И это тоже «человеческое, слишком человеческое». Фауст порой кажется воплощением того общества потребления, которое вожделеет всего, и причем сразу.

Но при такой интенсивности жизни исчезает... сама жизнь. Человек превращается в вечно спешащее существо, озабоченное лишь поглощением благ современной цивилизации. Исчезает то наполнение жизни, ее содержание, которое было присуще предшествующей истории. Постмодернизм – течение «VELOЦИФЕРСКОЕ», дьявольское.

Философ-постмодернист демонстрирует впечатляющий уровень владения словом и блестящие навыки речевой игры. Но это именно игра. Если отбросить словесную шелуху, которая словно блестящая оберточная бумага вьется вокруг мысли, то выясняется, что мысли-то как таковой и не было. Под красивой оберткой ничего нет. Возьмем книгу Деррида «О грамматологии». В одном из разделов он при помощи своего метода деконструкции рассматривает многообразные смыслы сочинений Руссо, трактуемые как тексты, в которых особую роль играют дополнения, – вернее, автор играет дополнениями. Пробираясь сквозь буйный лес рассуждений Деррида, в их конце чувствуешь себя облапошенным, ибо ничего нового и полезного для пробуждения собственной мысли после прочтения этих заумных пассажей получить нельзя. Впрочем, удивляться тут нечему, ибо Деррида считает, что «главное – не то, что сказал автор, а чего не сказал и почему».

Аналогичная ситуация и с книгой Деррида «Призраки Маркса», изданной в 1993 году. Деррида как бы демонстрирует, что постмодернизм способен «переварить» и «съесть» все. Как Протей, постмодернизм способен принять облик марксизма, оставаясь при этом постмодернизмом. Ситуация тотального безумия... Если раньше ценилась «железная логика», теперь ценятся «неясная логика» и «слабое мышление». Если раньше мужчина ценился за ум и силу, то теперь в

цене – нечто аморфное и бесполое, наподобие современных эстрадных андроидов.

Некоторые течения постмодернизма содержат в себе ряд смелых и оригинальных идей, но идеи эти чрезвычайно трудно распознать и выявить из того словесного мусора, который нагроможден на философском пространстве постмодернизма. В целом постмодернизм, на наш взгляд, – вырождение философии и всякой культуры вообще. Постмодернизм проявил себя как мощная форма отчуждения человека от целерационального проектирования и социального действия.

Мы отнюдь не хотели в этой статье повторить Ленина с его «критическими замечаниями об одной реакционной философии», которые он делал по поводу махизма в «Материализме и эмпириокритицизме». Ругань Ленина была обусловлена необходимостью философской расправы с его политическими оппонентами. Мы же хотели отметить, что возникновение постмодернизма – тревожный симптом, свидетельствующий о тяжелой болезни человечества и его культуры. Это – свидетельство глубокого разочарования в итогах всего предшествующего развития, утраты веры в человека и гуманизм, разум и прогресс, во все прежние идеалы и ценности. Со смешанными чувствами боли, растерянности, гнева и отрешенности человечество начинает понимать, что ему придется отказаться от мечтаний по поводу светлого будущего, ибо у человечества может вообще не быть

никакого будущего. Все прежние цели и задачи сводятся теперь к одному – проблеме выживания.

Нам, мыслящим русским людям, еще горше осознавать тот факт, что Россия погибла окончательно, будучи за два десятка лет «реформ» уничтожена темными силами, и некогда великой державе уготована роль сырьевого придатка и колонии для разжиревших западных демократий. Тотальному надругательству в нашей стране подвергается великое прошлое, жалкое настоящее становится все более и более абсурдным, тем самым лишая нас будущего; намеренно рушится культура и уничтожается нравственность народа. Немалую роль в этом играют и постмодернистски ориентированные интеллектуалы – космополиты без роду и племени.

Постмодернизм – это отнюдь не безобидная игра интеллектуалов. Это отрицание культурного наследия прошлого и глумление над ним. Это и глумление над человеком, его моралью, над всем тем, что отличает человека от животного. Это – призыв к откату назад, к пробуждению в человеке животных инстинктов, ко всему разрушительному и деструктивному. И самое печальное, что лекарства против этого нет, а насилием и запретами здесь ничего не добьешься. Для человечества вновь «распалась связь времен», и вопрос, сможет ли человечество мощью культуры прошлых веков победить современные деструктивные тенденции, остается пока без ответа.

Список использованной литературы:

1. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
2. Deleuze G., Guattary F. Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia. L., 1984. P. 45.
3. Лютар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // На путях постмодернизма. М., 1995. С. 180.
4. Levy B.-H. Eloge des intellectuals. P., Yrasset, 1987. P. 112.
5. Goethes Werke. WA, IV. Bd. 37. S. 207.
6. Делез Ж. Указ. соч.